

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЧУЖОЙ
СРЕДИ ЧУЖИХ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Восьмая горизонталь
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182895
Чужой среди чужих: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35518-1

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Глава 2	30
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николай Леонов, Алексей Макеев Восьмая горизонталь

Пролог

Трофим Иванович достал из кармана пачку облегченной «Явы», повертел ее в руках, тяжело вздохнул и вернул сигареты на место.

Как ни хотелось Таганцеву закурить, но самодисциплина важнее. Сегодня он уже выкурил три сигареты, суточная норма, назначенная самому себе, – пять штук, а до сна еще далеко. Уже лет пять он не мог заснуть раньше двух, а то и трех часов ночи. Это возрастное, ничего не поделаешь!

Пусть врачи вовсе запретили ему курить, но у него и своя голова на плечах имеется. Мало ли что в январе ему исполнилось восемьдесят шесть! Он еще крепок и на вопросы о здоровье и самочувствии может ехидно отвечать: «Не дожде-тесь!»

К собственной старости можно относиться по-разному. В том числе и как к привилегии, которая дается, увы, далеко не каждому.

Нет, все же шевельнулась при мысли о возрасте в душе

Трофима Ивановича Таганцева легкая такая заноза. Он раздраженно засопел, поднялся со скамейки, неспешно зашагал по аллее Ботанического сада.

Внешность у Трофима Ивановича была запоминающаяся. Высокий, под два метра, и тощий, но худоба его не выглядела болезненной. Притом Таганцев совсем не сутулился, его отличала прямо-таки кавалергардская осанка, точно оглоблю проглотил. Он был лыс, лишь над ушами виднелись кустики седых волос. Под косматыми, как у мопса, бровями прятались маленькие водянистые глазки блекло-голубого цвета. Губы тонкие, плотно сжатые, подбородок резко выдается вперед.

Чем-то напоминал он портреты суровых испанских кондотьеров времен поздней Реконкисты.

Походка у Таганцева была... характерная. Строевая. Каждый шаг он будто бы вколачивал в землю. Он едва заметно прихрамывал на левую ногу: сказывались последствия старого ранения. В правой руке Таганцев сжимал набалдашник длинной и тяжелой трости красного дерева, но практически не опирался на нее при ходьбе.

Просто Таганцеву нравилась эта красивая вещь, с которой у него к тому же были связаны воспоминания о днях войны и победы. Трость была трофеем, когда-то она принадлежала одному из врагов. Фигурный набалдашник трости – голова оскалившейся рыси – был выполнен из серебра.

Тонкая работа: даже кисточки на ушах лесной кошки вид-

ны. Серебро старое, потемневшее от времени. А сколько человеческой кровушки серебряная рысь перевидала! Реки... Да и перепробовала, кстати, немало: вон, как язычок высунула... Сразу видно – замечательный мастер отлил серебряную рысь.

Одет Трофим Иванович был в темный костюм классического покроя и светло-серую рубашку, галстук подобран в тон и завязан строгим «виндзорским» узлом, отлично начищенные полуботинки сверкали.

Таганцев любил прохаживаться здесь, в Ботаническом саду Российской академии наук, особенно вечерами, когда народу на аллеях становилось совсем немного. Погода сегодня благоприятствовала прогулке: вся первая декада мая выдалась в столице довольно прохладной, но не пасмурной.

Вечерняя заря над Москвой рассыпалась брызгами ало-янтарного цвета и понемногу угасала. На восточной стороне горизонта загорались первые робкие звезды.

«Сколько помню, всегда на День Победы в Москве отличная погода, – думал Трофим Иванович, медленно шагая мимо темно-зеленой стены канадских елей. – Да... Завтра в шестьдесят первый раз буду отмечать великий праздник. Сколько же нас осталось, бойцов «Свитезя»? Хорошо, если человек пять... Считая меня. А ведь как помнится все, словно вчера было...»

Мысленно Таганцев вернулся туда, в Польшу сорок пятого года. Обычно Трофим Иванович не слишком любил вспо-

минать гданьские леса, но этим вечером, накануне Дня Победы, он, к своему удивлению, понял, что вспоминает о тех временах без привычной душевной боли, чуть ли не как о «золотых денечках»! Тогда, в мае сорок пятого, пережитое не казалось ему развлекательной прогулкой, но вот сегодня, издалека, оно приобрело даже некий блеск...

Все правильно... У памяти есть интересное свойство: мы лучше помним хорошее, чем плохое, и это прекрасно, иначе жизнь стала бы невыносимо тяжела.

Пройдясь по аллейке, Таганцев повернул назад, к своей излюбленной лавочке, стоящей рядом с небольшим павильоном шахматного клуба. Клуб этот был неформальным, нигде не зарегистрированным, но шахматисты в ботсаду собирались весьма – по любительским меркам – сильные. Такие, как Трофим Иванович Таганцев. Ну, может, чуток послабее. Все же Таганцев по праву считался одним из лучших непрофессиональных шахматистов Москвы. Да-да, и возраст не помеха!

Сам Трофим Иванович пребывал в твердом убеждении: если у человека хорошие мозги, то они такими и останутся, проживи он хоть полтора ста лет. А все разговоры про старческий маразм и возрастное слабоумие – глупые сказки. Страшилки для слабых духом трусов и неврастеников.

Мысли Таганцева приняли новый оборот. Он вспоминал последнюю партию, сыгранную позавчера с Сергеем Гараниным. Здесь, в ботсаду.

Недурственная получилась партия. Таковую не стыдно записать в свой актив.

Таганцев играл черными свою излюбленную французскую защиту. Подорвав центр Гаранина кинжальным выпадом f7 – f6, он создал опасную инициативу на ферзевом фланге. Противник контратаковал на королевском фланге, серьезно, остро контратаковал, – от Трофима Ивановича потребовалась очень точная и аккуратная защита. Многим из болельщиков, обступивших сражавшуюся пару, показалось, что крепость черного короля не удержать...

Однако здесь, в сложном миттельшпиле, когда на доске кружится вихревой хоровод пешек и фигур, когда все «висит», когда решающей становится не голая техника, а интуиция, азарт и вдохновение, Сергею Гаранину было не совладать с ним.

Таганцев всегда питал пристрастие к многофигурному миттельшпилю за многообразие возможностей, динамичность и остроту этой срединной стадии шахматного поединка. Он любил сложную боевую игру, старался избегать разменов и упрощений, ему нравилась острая тактическая борьба, в которой фигуры соперников порой причудливо переплетаются и подолгу стоят под боем.

Трофим Иванович с некоторой иронией относился к тем из своих партнеров, кто пытался запоминать толстенные дебютные руководства, надеясь играть «как учит теория» чуть ли не до двадцатого хода. Солидные учебники и моногра-

фии, написанные знатоками эндшпиля – финальной стадии игры, – тоже не привлекали его внимания. Скучно! Но, к счастью, есть центральный, средний этап шахматной баталии, по которому руководства не напишешь... Здесь Таганцев чувствовал себя как рыба в воде. Хищная такая рыба, вроде щуки.

Вот уже полуоткрытая линия превратилась в открытую, и сдвоенные ладьи Таганцева прочно взяли ее под контроль, насквозь пробивая все пространство шахматной доски, а две висячие пешки Гаранина превратились из сомнительного позиционного преимущества в неустранимый дефект!

Трофим Иванович любил не просто выигрывать, а побеждать красиво. Говорят, что шахматы – это своеобразный синтез спорта, науки и искусства. Третий компонент этого сплава привлекал Трофима Ивановича больше всего, находил в душе Таганцева самый живой отклик.

Понятие прекрасного в шахматах многогранно. Специалисты с пониманием будут говорить о красоте, например, позиционных маневров или изяществе строгой эндшпильной техники. Но для Трофима Ивановича, как и для большинства шахматистов-любителей, ничто не в состоянии было в этом смысле конкурировать с красотой шахматных комбинаций. Таганцев обладал превосходным комбинационным зрением! Кроме того, он виртуозно владел искусством накапливать с виду мелкие позиционные преимущества, чтобы реализовать их ослепительным комбинационным ударом.

В последней партии с Гараниным ему в полной мере удалось блеснуть тактическим оружием. Партнер Трофима Ивановича потерял бдительность, допустил несколько незначительных просчетов. Наказание не замедлило последовать: Таганцев эффектно пожертвовал качество, а затем, переводя игру в русло форсированного варианта, еще и коня! Знайки, собравшиеся около шахматного столика, восторженно загудели, зацокали языками.

Теперь у его противника стало на целую ладью больше. Только ему это материальное преимущество ничуть не помогло!

Нет, прямой атаки на белого короля не было, непосредственных матовых угроз не просматривалось. Вот только вскоре выяснилось, что следующий ход белым делать нечем и незачем. Белое войско задыхалось в безжалостных тисках цугцванга: нужно ходить, их очередь, но любой ход приведет к дальнейшему ухудшению и без того отвратной позиции.

От самой сильной фигуры Сергея Гаранина осталась лишь бледная тень: его ферзь уныло стоял в углу доски, на поле a1, вглухую заблокированный собственными пешками.

Недолго посопротивлявшись – для приличия, – Гаранин остановил часы. Сдался. Ничего другого ему в такой ситуации не оставалось.

И сейчас, спустя два дня, Трофим Иванович, вспомнив о недавней победе, не смог сдержать довольный смешок. Вот вам и возраст, хорошие мои, Гаранин-то почти на сорок лет

младше!

Но почивать на лаврах рано. Трофим Иванович решил составить примерный план дальнейших сражений. Пусть не всех, но хотя бы ближайшего.

Следующую партию их мини-матча он играет белыми. Вечером, послезавтра. Какой дебют избрать?

Таганцев задумался. Две предыдущие партии, в которых у него были белые фигуры, Трофим Иванович начинал ходом королевской пешки. Оба раза Гаранин отвечал вариантом дракона сицилианской защиты. Одну из этих партий Сергей проиграл, другую с трудом свел к ничьей. Так что вряд ли он вновь попробует уцепиться за драконий хвост. А жаль: интересный вариант, с богатым комбинационным потенциалом. Очень в стиле Таганцева!

«Что если попробовать удивить Гаранина, который неплохо знает мою манеру игры и дебютные пристрастия, – неторопливо размышлял Трофим Иванович. – Двину-ка первым ходом на два поля вперед пешку ферзевого слона. Английское начало. Причем выберу самый активный план развития. А если Сергей ответит ходом королевской пешки, то получится та же сицилианка с переменой цвета. Вот и славно, коли так получится: этот дебют я с удовольствием играю что за черных, что за белых. Борьба в нем напряженная, игра обоюдоострая, чего ж еще желать? Главное – первому захватить инициативу. А если Гаранин попытается деблокировать центр, я тогда...»

Что он «тогда», Таганцеву додумать помешали. Из-за ку-стов бересклета, темно-зеленой стеной стоящих прямо на-против скамейки, на которой сидел Трофим Иванович, вы-шли двое мужчин.

– Папаша, сигаретами богат? – хрипловатым голосом спросил один из них, одетый в дешевые турецкие джинсики и камуфляжную куртку. – Дай-ка закурить, а?

– Это вы мне? – надменно поинтересовался Таганцев, хоть ни единого человека кроме него и этих двоих на аллейке не было. Трофим Иванович не терпел хамства во всех его про-явлениях. Хоть большого удивления у него такая, с позволе-ния сказать, просьба не вызвала.

– Тебе, старикан, кому ж еще, – голос второго отличался уже не хриплым, а каким-то визгливым тембром. – Давай пару сигарет. Не жмотничай. Целее будешь.

Таганцев резко, одним движением поднялся со скамейки. Что-то здесь было не то!.. Выламывалась сцена из классиче-ских канонов.

Он ведь не вчера родился, и житейский опыт у него был о-го-го какой.

Ощущалось в нахальной бесцеремонности этой парочки неестественное что-то. словно бы они отрепетированную сценку разыгрывали.

И на шпанистых хулиганов не похожи. Возраст не тот. К тому же в сгущающейся темноте Таганцев, зрение которо-го осталось столь же острым, как в молодости, успел заме-

тить на тыльной стороне ладони визгливого синюю наколку: садящееся солнце с лучами разной длины. Ага, понятно. Этот молодчик побывал в гостях у «хозяина». И не единожды: число лучей равно числу ходок в зону. Такие субъекты хулиганкой обычно не балуются...

А потом что-то – шестое чувство, интуиция, которой подполковник Таганцев славился среди своих соратников еще тогда, на войне, – подсказывало Трофиму Ивановичу: эта парочка подошла к нему неспроста. С явно недобрыми намерениями. Какое тут, к лешему, «закурить»? Нет, это не просто отморозки, которых развелось, что мух над падалью! Все куда серьезнее и может обернуться для него весьма невесело.

И точно: тип в камуфляжке шагнул вперед, толкнул Таганцева в грудь, пытаясь заставить того вновь опуститься на скамейку. Второй же сунул правую руку в карман пиджака. Миг – и в багровом свете заката тускло высверкнуло лезвие ножа...

Надо же, какие игры пошли! Танцы с волками. Или шакалами? Шакалы порой куда страшнее волков бывают. У «серых разбойников» – любой зоопсихолог подтвердит! – есть изначальное понятие о чести и порядке. Пусть бандитском порядке, только лучше он, чем полный беспредел.

...Таганцев был не из пугливых. Он давно отучился бояться кого бы то ни было. Ветеран великой войны привык, что боялись, как правило, его. Ведь служил Трофим Иванович – было дело! – отнюдь не в батальоне аэродромного об-

служивания, не в тыловых частях, не штабным «чижигом», не денщиком и не адъютантом...

Ох, как еще служил!

И где... И когда... Забыть бы, так не забывается.

В специфических «до чрезвычайности» и весьма серьезных войсках довелось пройти войну этому человеку. Особых войсках. Лучше бы их, таких вот войск, никогда, нигде и ни у одной державы не существовало...

Да, шанс выиграть у него был. Даже неплохой. Никак два негодяя не могли ожидать, что глубокий старик окажет им такое грамотное и активное сопротивление. А удивить врага, обескуражить его – это половина победы!

Мягким полуоборотом Таганцев ушел от толчка.

Тут же, ловко перехватив трость под концевую резиновую нащепку, он ударил серебряным набалдашником на противоходе, целясь в локоть нападающего урода.

Попал, конечно же.

Еще бы он не попал! Трофима Ивановича учили в свое время на совесть. Знали бы мерзавцы, с кем довелось связаться, очень бы задумались...

Оскаленная рысь с хрустом врезалась под сочленение лучевой и локтевой костей.

Урод зашипел от боли, выронил нож себе под ноги, в густую траву. Но все же сделал еще один шаг вперед! Настырным оказался, что тоже подтверждало: никакой он не хулиган. Тот, получив такой отпор, быстренько смотал бы удочки.

А Таганцев уже разворачивался к первому, тому, что в камуфляжке, чтобы достать его, используя энергию разворота. Он собирался угодить мерзавцу в солнечное сплетение концом трости. Должен был угодить!

Но промахнулся. Совсем на немного промахнулся. Все из-за того, что движение Таганцева оказалось недостаточно стремительным и его враг успел уклониться от удара. Трость лишь скользнула по ребрам.

Эх, если бы Трофим Иванович был лет хоть на десять помоложе! Совсем по-другому сложилась бы тогда эта скоротечная схватка рядом с шахматным павильончиком... Но восемьдесят шесть лет – это восемьдесят шесть лет, даже для такого железного человека, как Таганцев. Скорость движений и быстрота реакции уже совсем не те. Не те мышцы, связки... Подводит изжеванное годами тело своего хозяина.

Природа Таганцева оставалась львиной, но львом он был старым. Очень старым, а таких, случается, загрызают гиены.

Кстати говоря, был у Трофима Ивановича еще один шанс успешно отбиться от напавших на него негодяев. Но его Таганцев упустил несколькими мгновениями раньше. Надо было бить не в локоть хрипатому верзиле, а в голову. В висок, так, чтобы убойно. Вот тогда смерть камуфляжного ошарашила бы его напарника, отбила бы охоту завершать задуманное. Пожалуй, и в бегство обратила бы. А уж с милицией Трофим Иванович как-нибудь разобрался бы: вот нож, на ноже отпечатки нападавшего, Таганцев действовал в преде-

лах необходимой обороны...

В марте 2002 года вступили в силу поправки в УК РФ. В результате было расширено право человека на защиту своей жизни от преступных посягательств. Теперь закон закреплял норму, согласно которой не является преступлением причинение любого вреда нападающему, если нападение угрожало жизни.

Так что смело можно было Трофиму Ивановичу бить на-смерть.

Почему он не поступил именно так? Ведь чем-чем, а из-бытком гуманизма и голубиной кротостью Трофим Иванович никогда не страдал. Может быть, потому, что Ботанический сад это не леса под Гданьском, и год на дворе 2006-й, а не 1945-й? Кто знает...

И все же пиковая ситуация могла еще разрешиться для ветерана благополучно: из-за поворота аллейки показалась компания молодых парней. Шесть человек. Слегка подда-тые, но совсем не агрессивные, веселые и чем-то очень до-вольные. До них было метров пятьдесят, и двигались парни как раз по направлению к шахматному павильончику. Пр-держись Таганцев еще секунд десять-двадцать...

Увы, этого времени ему не дали. Тот, кого Трофим Иванович задел по ребрам, оказался проворным: теперь уже в его руке сверкнула отточенная сталь.

И снова Таганцев опоздал на мгновение: не успел сблоки-ровать удар. Нож вошел ему прямо под сердце. Смерть была

мгновенной; Трофим Иванович конвульсивно дернулся всем телом и тяжело рухнул на землю, под ноги убийце. Из рта Таганцева плеснуло кровью, черной в последних закатных лучах.

А парни, весело перебрасывающиеся между собой какими-то шутливыми фразами, заметили: впереди происходит что-то неладное! И даже – надо отдать им должное! – ускорили шаг. Не все москвичи превратились в трусов, как черт от ладана шарахающихся от всего, что хоть немного пахнет опасностью для собственной драгоценной шкуры. Остались еще люди, способные вступить за старика, женщину, ребенка.

Двое же убийц повели себя предельно странно. Тот, которому Трофим Иванович сломал локоть, сдавленно матерясь от боли, сунул здоровую руку в карман камуфляжной куртки, вытащил небольшой кусок бумаги и уронил его на труп Таганцева. Скорее даже положил! Второй же, тот, который нанес Таганцеву смертельный удар, извлек из кармана цифровую фотокамеру «Canon». Убийца направил объектив на тело жертвы. Дважды полыхнула режущим светом встроенная фотовспышка. На это ушло буквально три секунды.

Опять же – поражала согласованность и деловитость действий двух негодяев. Словно они реализовывали заранее продуманный план.

– Рвем когти! – скомандовал «фотограф». – Быстрее, Хобот!

– Амбал, я перо выронил! – прерывающимся от боли голосом откликнулся тот, кого убийца назвал «Хоботом».

– Хрен с ним!!! Захому́тают ведь, всех не положим!

Шестерка парней перешла на бег. До них оставалось не более десяти метров, когда двое мерзавцев нырнули в заросли бересклета, растворились в подступающей ночной темноте. Трое из шестерки молодых ребят кинулись было вдогонку... Но куда там!

– Толик, вызывай милицию, – скомандовал один из парней, обступивших труп. – Никому ничего не трогать! Детективов, что ли, не насмотрелись?! Нет, Артем, ему не поможешь уже. Сразу видно: холодный. Несчастный старик!

Белобрысый Толик с побелевшим лицом достал сотовый телефон:

– Милиция? Тут... Выезжайте, в ботсаду человека убили. От центральной аллеи направо. Да встретим мы вас на центральной!.. Какая вам разница, кто звонит?!

... Да, не довелось Трофиму Ивановичу Таганцеву в шестьдесят первый раз отметить годовщину Победы.

И шахматный мини-матч с Сергеем Гараниным так и остался недоигранным.

Глава 1

Лев Иванович Гуров, полковник, старший оперуполномоченный Главного Управления уголовного розыска МВД РФ пребывал в самом скверном расположении духа, что, вообще говоря, было для него нетипично.

Бывает так: ничего особенно поганого вроде бы не случилось, но досадные и раздражающие, словно зудящие комары, мелочи выбивают из равновесия и отравляют настроение.

Всего-то и дел: выходя из подъезда своего дома, Гуров заметил, что дверь изнутри снова испоганена похабными граффити и матерщиной. И не маркером постарались, а натуральной масляной краски кто-то не пожалел! Третий раз за последний месяц... Поймать бы этого рисовальщика «на месте преступления», да провести с ним воспитательную работу! Включающую в себя меры физического воздействия...

А когда Гуров захлопнул за собой злосчастную дверь, он, не успев сделать и двух шагов, поскользнулся на банановой кожуре и чудом удержал равновесие.

«Растет благосостояние, – злобно подумал Лев Иванович. – На чем можно было поскользнуться раньше? Разве что на кошачьем дерьме и картофельных очистках...»

Гуров двинулся к своему серенькому «Пежо», припаркованному рядом с подъездом.

Захлопнув дверцу машины, повернул ключ зажигания.

Тихо заурчал мотор. Обычно Лев добирался на работу пешком, до Управления было рукой подать, но сегодня что-то подсказало ему: лучше быть при своих колесах.

«Нет, что-то неладное творится со страной, – мрачно размышлял Гуров, автоматически ведя машину. – Как это в песне из моей молодости пелось? «С чего начинается Родина?» Так вот с этого она и начинается: с похабных рисунков в лифтах и подъездах, с мусора под ногами, со всеобщего бытового бардака и расхристанности. Ну почему так?! Грудью на амбразуру – это всегда пожалуйста. Особливо при большом стечении народа. А вот просто вести себя порядочно, без хамства и раздолбайства... Это не к нам! И пока положение не изменится, никакие законы, постановления, указы и самые распрямудрые решения не помогут и не сработают! Все уйдет водой в песок. Бытие определяет сознание, как марксисты утверждали? Да вот черта лысого! Все с точностью до наоборот.

Была у Льва Ивановича еще одна причина для недовольства и плохого настроения. Еще со вчерашнего праздничного вечера. Обычно Гуров телевизор не смотрел. Принципиально. Разве что новостные программы и спортивные передачи. Да и то изредка... А вот вчера вечером угораздило. Любопытно стало Гурову – что скажут светочи российской демократии, чем оправдаются? Да и Маша настояла.

Жена Льва Ивановича, прекрасная актриса, одна из признанных звезд столичного театрального истеблишмента, Ма-

рия Строева последнее время начала интересоваться политикой. Хотя ей-то вроде зачем?

Лев Иванович за голову хватался. Ведь блестяще реализовалась, профессией владеет, как мало кто...

«Замазалась по залепушке», – так порой выражались его «клиенты» из блатных.

Ничего, пойдет гастрольный сезон, вышибет из Маши всю дурь. Нет лучшего средства от любых невзгод и «замазок», чем любимая работа.

Но пока...

– Лева, ты обязан посмотреть эту передачу. И не смей отказываться! Один спорт на уме. Да, из десяти дураков один непременно прыгнет выше всех или поднимет больше всех. Но неужели тебе так важно, какой именно? А в этой передаче о будущем страны речь пойдет!

Ну, не ссориться же с любимой женщиной из-за такой мелочи... Посмотрел. Послушал.

Не такая уж мелочь оказалась. Лучше бы он этого похабного репортажа не видел.

* * *

Плохое настроение нужно оставлять за порогом служебного кабинета, эту нехитрую максиму Лев Иванович давно усвоил.

– День добрый, ясновельможный! – поздоровался он со

своим заместителем и самым близким другом Станиславом Васильевичем Крячко. – Чем порадуешь с утра?

«Ясновельможным» Гуров не просто так Станислава называл. В шутку, конечно, однако...

Были у полковника Крячко великолитовские корни, числил Станислав Васильевич среди своих отдаленных предков кого-то из «староречево́й шляхты». Правда, по материнской линии. Чуть ли не Понятовских. Или Радзивиллов...

– И тебе здравствовать. Только не порадую. Огорчу, – хмуро откликнулся «друг и соратник», отрывая взгляд от монитора «Пентиума». Чувствовалось, что настроение у Станислава Васильевича было ничуть не лучше, чем у Гурова. – Вот, получил, – последние новости из Минюста. С межведомственной коллегии. Озаботились переслать по мейлу. Да, на твой адрес. Под фирменным паролем, но я-то его знаю. Спасибо! Кисунчику под хвост вся наша работа. Отделается Боярин детским приговором по статье «Незаконное хранение огнестрельного оружия». Условка! Это если по максимуму. Адвокат у него хороший, может и начисто отмазать. Нет, как хочешь, а обидно! На, почитай... Собачья наша жизнь, недаром клиенты легавыми называют. Так намотаешься, а в результате...

– Как же так? – Гурова предельно возмутила эта новость, хоть и ожидал Лев Иванович чего-то подобного. – А свидетели? А коммерсанты из «Трейд-плюс», которых он доил? А

общество взаимного кредита «Русич»?

– Берут свои показания назад. Дружно отказываются от всего, что говорили на предварительном следствии. Трусят. И я их отлично понимаю. Кто их прикроет от дружков Боярки? Обвинение разваливается. Вот такие веселые дела. Прямо как на панихиде.

Речь шла о судебном процессе, центральной фигурой которого был известный рэкети́р и шантажист, один из лидеров подольской ОПГ Сергей Бояринов. В начале апреля Лев и Станислав взяли его, причем на горячем. И вот...

Как начиналась эта среда погано, так и продолжалась!

– Петр уже в курсе? – спросил Гуров.

– Нет еще. Успеет Петра огорчить. Даже говорить ему об этом не хочется, он такие проколы последнее время очень болезненно воспринимает. И я его прекрасно понимаю. Руки опускаются, и работать не хочется. Да и что может сделать Петр? Это он у нас величина первого ряда в МВД. А Минюст и прокуратура – чужие делянки...

Сыщики говорили о Петре Николаевиче Орлове, генерал-лейтенанте МВД РФ, возглавлявшем Главное Управление уголовного розыска МВД, своим непосредственным начальнике и близком друге. Гурову и Крячко повезло с начальством. Сколько же сейчас развелось дураков и карьеристов в штанах с лампасами и погонах с большими звездами! Надутых бездарных болванов в больших чинах, исполненных высокомерия и заносчивости. Талантливым, хватким и

нестандартно мыслящим сыскарям работать под таким руководством не сладко.

К генералу Орлову это ни в малейшей степени не относилось. Как раз наоборот.

Начинал Петр Николаевич простым районным оперуполномоченным и за почти сорок лет непрерывной работы в сыске дорос до начальника одной из самых мощных структур российской милиции. За все это время Орлов ни разу не поступился офицерской честью, не угодничал перед вышестоящими и на сделки с собственной совестью не шел. Такой характер, такая «старорежимная» верность определенным принципам вели к тому, что многие из коллег, сослуживцев, начальников и подчиненных Петра Орлова любили, некоторые терпеть не могли, и все безоговорочно уважали.

Да, у Орлова был неуступчивый характер. Компромиссов он не признавал и на полумерах останавливаться не умел. Если Петр Николаевич был убежден в своей правоте, то шел напролом. В работу, если она представлялась ему интересной, он погружался с головой, словно пьяница в запой, и вкалывал на износ, до изнеможения, с безудержным рвением.

Далеко не всегда его служебная карьера складывалась удачно: слишком ершист и несговорчив оставался Петр Николаевич, независимо от того, кто там сидит на самом верху милицейской пирамиды. Например, в конце правления Щелокова – Чурбанова дело дошло почти до отставки Орлова.

И ладно, если бы Петру Николаевичу дали уйти «по состоянию здоровья», куда худшие варианты просматривались на горизонте. Те, кто помнит историю «щелоковской катастрофы», легко поймут, почему. Да, почти до отставки...

Но только почти! Потому что даже враги Петра Николаевича понимали: отличные сыщики и организаторы подобного масштаба, хватки и способностей на дороге не валяются. «Уйти» такого неудобного человека, конечно, можно, только кто преступников будет ловить? Подхалимы и лизоблюды?..

До сей поры генерал Орлов сохранял отличную оперативную хватку, дополненную громадным опытом. Да и аналитиком Петр Николаевич оставался отменным, не потеряв ни остроты ума, ни спокойной точности мышления.

И репутация у Орлова, как уже отмечалось, была безукоризненной. Петру Николаевичу удалось создать отличную команду профессионалов, но никому он не доверял так полно, как полковникам Льву Гурову и Станиславу Крячко, ни к чьему мнению не прислушивался так внимательно.

Да, к Станиславу Крячко и Льву Гурову отношение у Петра Николаевича было особенным. Оба оперативника работали под его началом очень давно, чуть ли не с первых дней своей службы в милиции. За эти годы Орлов превосходно изучил друзей. Он, с полным на то основанием, числил их в золотом фонде Управления, считая Льва и Станислава одними из лучших сыскарей Москвы, если не России. Гордился ими: все же его ученики! И, как уже было замечено, всецело

доверял им. Хотя и распекал иногда за излишнюю лихость и риск.

Лев Гуров – а он был все же ведущим в их с Крячко блистательной паре, задавал тон – никогда и не скрывал своей приверженности к авральным методам сыскной работы. К некоторому – в хорошем смысле слова! – авантюризму.

Генерал Орлов называл такой фирменный гуровский стиль «ковбойщиной» и не раз выражался в том смысле, что Россия начала третьего тысячелетия все же не американский «Дикий Запад» времен фронта. Равно как полковники МВД Лев Гуров и Станислав Крячко – не героический шериф с помощником. Сам же Лев Иванович любил фразу: «Без ведома руководства, рискуя лампасами».

Именно так они с Крячко порой и действовали. Довольно часто генерал Орлов узнавал о том, как была спланирована операция не до, а после ее проведения. Нарушение субординации, конечно...

Методы, что и говорить, не бесспорные, однако судить надлежит по плодам. Плоды же были что надо! Простые дела Льву и Станиславу давно не доставались, генерал Орлов был не из тех, кто гвозди микроскопом забивает. Нет, Льву и Станиславу доставались задачи штучные, особой сложности. Тем не менее Гуров и Крячко сумели сделать так, что их редкие, единичные неудачи становились настоящими сенсациями. В милицейской среде они считались суперасами, сыскарями вне разрядов. Некоторые из коллег даже утверждали

полушутя, что друзья знают некий особый сыщицкий секрет, за обладание которым чуть ли не душу продали! Ну, не может же им так везти!

Лев Иванович над такой сыскной мистикой просто смеялся. Конечно, их с другом секрет – вовсе не секрет. Просто далеко не всем такой стиль сыскной работы подходит и не всех устраивает. Помимо смелости, ума, профессиональных навыков и опыта, еще и оперативный талант нужен. А он, как и любой талант, штука загадочная. У кого-то есть, а у кого-то нет, и ничего с этим не поделаешь.

...В дверь кабинета негромко постучали.

– Войдите! – Гуров встал из-за стола, шагнул навстречу вошедшему. – О, Петр! Здравствуй, господин генерал! Что называется, легок на помине. Никак соскучился по подчиненным?

Общаясь с глазу на глаз, без посторонних, Лев, Станислав и Петр Николаевич называли друг друга на «ты».

Станислав кинул на Гурова быстрый взгляд, тот чуть заметно пожал плечами. Дело было в том, что издавна повелось: Петр Николаевич заглядывал к ним в кабинет, когда хотел поставить перед друзьями какую-то особо сложную задачу.

– И вам здравствовать, сыщики, – генерал Орлов пожал протянутые руки.

По тону, которым Петр Николаевич поприветствовал их, Гуров и Крячко, прекрасно изучившие своего начальника за

годы службы, поняли: ничего хорошего генерал им не скажет. Не просто так он зашел, а с какой-то неприятной новостью.

И точно. Выслушав краткое, но эмоциональное сообщение Гурова о последних новостях с межведомственной коллегии, о провисании дела Сергея Бояринова, Петр Николаевич досадливо крикнул, нахмурил брови.

— Здорово денек начинается, косяком новости, и одна хуже другой. Сплошняком неприятности, — невесело сказал он. — Хоть моя новость по-другому называется... Закурил бы ты, что ли, пан Крячко. Раз уж мне нельзя, так хоть дымок понюхаю... У Гурова, небось, как водится, своих сигарет нет...

— Что еще за пакость стряслась, Петр? — спокойным тоном поинтересовался Гуров. Сигарет у него, кстати, в самом деле не было. Курил Лев Иванович редко и купить дежурную пачку постоянно забывал.

— Погиб мой, скажем так, хороший знакомый, — голос Орлова ощутимо дрогнул. — Ветеран войны. Его убили. Позавчера вечером, накануне Дня Победы. И убили очень странно... Думаю поручить это дело вам. Чует мое сердце: тут ваша квалификация потребуется. Надо мерзавцев поймать!

Петр Николаевич потер лоб над бровями. Гуров и Крячко переглянулись: они знали, что стоит за этим характерным жестом. Генерал Орлов нервничал.

— Раз надо, значит поймает, — преувеличенно бодрым то-

ном сказал Лев. – Дай-ка и мне сигарету, Стас. А ты, Петр, успокойся и толком введи нас в курс дела. Для начала: откуда ты знаешь убитого? И в чем странность заключается? Словом, давай подробности.

– Нет у меня особых подробностей, – хмуро отозвался генерал. – Я сам узнал о смерти Таганцева час тому назад. Мне позвонил один наш общий знакомый, Сережа Гаранин. Обрадовал... Тут уж я стал названивать в РОВД Тимирязевского района.

– Они убийством занимаются? – уточнил Гуров. – Что, на их территории оно произошло?

– Уже нет. Уже мы им занимаемся. Районщики еще ничего толком сделать не успели. Но дровишек уже наломали, – с досадой ответил Орлов. – Да, на их... В Ботаническом саду Академии наук Таганцева убили... Рядом с шахматным павильончиком.

– Ага, кажется я догадываюсь, откуда ты знаешь убитого, – сказал Гуров. – Один из твоих шахматных партнеров, так?

– Так, – кивнул Петр Николаевич. – Мы с ним познакомились года полтора тому назад. Там, в ботсаду. Шапочное, конечно, знакомство. Я про Трофима Ивановича ничего толком и не знаю. Разве что манеру игры...

– Ты рассказывай, – сказал Крячко. – И про манеру тоже. Глядишь, пригодится.

Глава 2

Для Гурова и Крячко не было новостью, что генерал Орлов – большой поклонник шахмат и на досуге – когда он появляется, часто заходит в ботанический сад, в одном из уголков которого собираются такие же любители.

Таганцев был одним из них. Трофим Иванович, по словам Орлова, считался чуть ли не лучшим среди непрофессиональных шахматистов Москвы. Несмотря на преклонный возраст, голова у Таганцева, как сказал Петр Николаевич, работала отлично, кстати, и в физическом отношении старик был еще вполне крепок.

– У профессионалов спортивная сторона шахмат слишком раздута, гипертрофирована, – объяснял Орлов. – У них пропадает вкус к игре, ослабевает свежее восприятие шахмат, они не испытывают радости от игры. Для профессионалов шахматы – это работа, порой каторжная. Для нас – отдых и удовольствие.

Льву ярко вспомнилось дело двухлетней давности. Тогда он и Крячко ловили убийцу члена-корреспондента Российской академии наук Александра Иосифовича Ветлугина, давнего и постоянного шахматного партнера генерала Орлова. Очень трудным и заковыристым выдалось то дело! А теперь, значит, еще одного шахматиста из ботсадовского окружения Орлова убили...

– Таганцев был на шестнадцать лет старше меня, – продолжал Петр Николаевич, – но я гордился, если хоть одну партию из пяти против него сводил вничью. В силу мастера он играл, это я вам точно говорю.

«На шестнадцать? – подумал Гуров. – Ого! Петру в этом году семьдесят исполняется...»

– Словом, считался Трофим Иванович кем-то вроде чемпиона Москвы среди любителей, – генерал Орлов горестно покачал головой. – А позвонивший мне Сергей Гаранин был вроде как претендентом. Они последние полтора месяца матч играют. Из десяти партий. Откуда Гаранин узнал? Он почти наш коллега, старший советник юстиции, служит в Департаменте связей с общественностью при Верховном суде России. Все районные пресс-релизы по столице должен читать по должности. Вот он и прочитал. Сразу же связался со мной. И правильно сделал. Я уже сказал, что артисты из Тимирязевского РОВД успели малость накосячить.

– Чем на этот раз отличились доблестные районщики? – поинтересовался Станислав.

– Вот теперь пора рассказать вам о странностях. Дело в том, что убийство произошло на глазах у шести свидетелей. Парни, студенты Тимирязевской сельхозакадемии, возвращались с практических занятий. Занятия у них как раз в ботсаду проходят. Возвращались не особо спеша: взяли пива, посидели в ботсаду, поболтали... Шесть человек. Дружной компанией шли на выход, через аллею, где сидел на лавоч-

ке Таганцев. Издалека увидели, что происходит какое-то безобразие: два типа нападают на старика, а он отбивается тростью. Рванули ребята на помощь. Молодцы, не трусили. Но чуть-чуть не успели, – генерал Орлов огорченно вздохнул. – И, когда в погоню за убийцами бросились, тоже ничего не получилось у них. Было уже темно, негодяи нырнули в кусты... Зато видели студенты все в подробностях. Старик, по их словам, оказался непрост, отбивался своей тростью вовсю и одного из нападавших ударил по руке весьма чувствительно. А тросточка там та еще. Впрочем, сами посмотрите.

– С шестью свидетелями, конечно, повезло, – перебил генерала Станислав, – но я пока не вижу особых странностей. Двое подлецов напали в безлюдном месте на одинокого старика. Хотели поживиться. Мерзко до тошноты, но более чем тривиально.

– Вечно ты торопишься! – с досадой сказал Петр Николаевич. – Будут тебе сейчас странности. Особые. Как должны были поступить тривиальные, как ты выражаешься, грабители? Они получили отпор, один из них ударил жертву ножом, и к ним бегут шестеро здоровых парней с явным намерением их задержать! Прямо на месте преступления, над телом жертвы. Они должны были немедленно удирать со всех ног, не теряя ни секунды!

– Так они ж и удрали, или я чего не понял? – недоуменно сказал Крячко.

– Да. К великому сожалению. Но перед тем, как сделать

ноги, они теряют не менее пяти секунд. И на что? Вовсе не на то, чтобы обшарить карманы жертвы!

– Такое поведение тоже было бы маловероятным, – подал реплику молчавший до сих пор Лев. – И нелепым. Не могла же их настолько жадность обуять, чтобы в такой пиковой ситуации, когда вот-вот повяжут, по карманам шарить. Да и на какую сверхдобычу они могли рассчитывать? Что там у старика в кармане? Чек на предъявителя? На миллион баксов? Бриллиант весом в полкило? Смешно... Нет, они, конечно же, должны немедленно сматываться.

– Вот именно! – Орлов даже кулаком по столу пристукнул. – Однако один из них тратит драгоценные секунды на то, чтобы достать цифровую фотокамеру и сделать два снимка жертвы! Только что убитого им же человека, каково?! Мало того, подельник убийцы за секунду до этого дикого фотосеанса опускает на труп какой-то предмет. Причем проделывается весь этот сюрреалистический бред быстро, четко и слаженно, точно по предварительной договоренности.

– Что за предмет? – тут же спросил Гуров. – Он так и остался на трупе?

– Подожди, дойдет дело и до предмета. Давайте по порядку. Словом, негодяи все-таки успевают удрать. Студенты вызывают милицию. Приезжает ГНР из Тимирязевского РОВД. Против обыкновения гонорейщики относятся к делу профессионально и добросовестно.

Полковник Гуров мысленно усмехнулся: надо же, как сло-

вечко неприличное привилось, Петр и то использует. «Гонорейщиками» на милицейском сленге называют парней из групп немедленного реагирования. Те, ясен пень, обижаются, но слово не воробей, кличка эта приклеилась к ГНРовцам намертво.

– Делают фотографию трупа, грамотно обшаривают все вокруг. Важный момент: рядом с телом Таганцева в траве находят нож. Но следов крови на нем нет.

– Значит, – прокомментировал Гуров, – имеет смысл предположить, что этим ножом был вооружен второй преступник. Тот, которого старик ударил тростью по руке. Отпечатки на ноже остались?

– Дактилоскопию в райотделе провели, но халтурно, – с досадой сказал Орлов. – Попробуйте, конечно... Вдруг да повезет. Сделайте по новой, у нас. Если не все смазали в спешке. Не до того, видишь ли, районщикам было! У них дела поважнее нашлись. Так вот, продолжаю. Всех шестерых парней доставили в Тимирязевский райотдел. А там замначальника по оперчасти от большого не по уму служебного рвения стал на них наезжать. Дескать, не вы ли сами дедка пристукнули? А потом нам позвонили, чтобы от себя подозрения отвести? Тем более вы, дескать, в нетрезвом виде пребываете... Идиот! Какой, к песьей матери, может быть нетрезвый вид, когда они по бутылке пива выпили! А этот пень в мундире ребят чуть ли не на экспертизу отправлять собирался. Вот из-за таких деятелей, как этот майор,

к нам народ и относится... соответственно. Парни, само собой, возмутились. Я их очень даже понимаю: хотели помочь, а нарвались на дремучее хамство. Разговор пошел на повышенных тонах. Сильно повышенных. Словом, ребяткам наkostenяли по шеям. Основательно наkostenяли, дурачье дело нехитрое, это райотдельцы хорошо умеют. Пареньки сопротивлялись, как могли. Один из них дал сдачи особенно гм-м-м... адресно. Въехал в физиономию тому самому майору, заместителю начальника отдела.

– И правильно сделал, – решительно сказал Крячко. – Дураков, как известно, и в церкви бьют.

Гуров молча кивнул. Он разделял возмущение генерала и своего друга. В самом деле, как теперь эти парни станут относиться к людям в милицейской форме? Что скажут своим родителям? Однокурсникам? Подружкам? Захотят ли в следующий раз хоть пальцем пошевелить, чтобы помочь милиции? Вот то-то и оно...

Орлов же заводился все сильнее. Его глубоко задевало то, что в массе своей россияне относятся к правоохранительным органам, мягко выражаясь, без особо теплых чувств. Никакие сериалы про «разбитые фонари» да милицейскую собачку Мухтара не помогают: недолюбливают у нас в стране милицию, не слишком-то ей доверяют. И к тем, кого генерал считал виновниками подобного положения дел, он был нетерпим.

– Н-ну, работнички, мать их в душу через семь гробов, – с

чувством произнес Петр Николаевич и расстегнул воротничок рубашки, словно тот душил его. – Н-ну, районщики долбаные, ну, блюстители порядка хреновы! Словом, с трех парнишек взяли подписку о невыезде, а остальных троих продержали в «обезьяннике» аж до сегодняшнего утра! Пока я не разобрался и этого безобразия не прекратил. А вместо того, чтобы извиниться за хамство, чуть ли не уголовное дело заводить вздумали на паренька, который майора по роже приласкал. Нападение, понимаешь ли, на сотрудника милиции при исполнении им служебных обязанностей. За такое исполнение служебных обязанностей ничего другого, как по роже, и не полагается. А если бы мне Сережа Гаранин не позвонил? Запросто парнишка мог под суд угодить! Не-ет, я этого так не оставляю. Я уж постараюсь, чтобы этот, с позволения сказать, заместитель получил взыскание по неполному служебному соответствию.

– Ладно, восстановил ты справедливость, и молодец. Что там за предмет загадочный, о котором ты упоминал? Который убийцы на труп положили? – нетерпеливо спросил Гуров.

Орлов достал из кармана кителя прямоугольный листок глянцевої бумаги, положил его на стол перед сыщиками.

– Вот. Смотрите. Это точная копия, один к одному. Только что на принтере распечатал с фотографии, которую мне из отдела прислали. Так вот эта штукавина и выглядит. Кстати: не забудьте у районщиков изъять оригинал. И на отпечатки

проверьте, эти ослы не догадались. Оригинал выполнен не на бумаге, а на чем-то вроде картона. И рисунок тоже с двух сторон.

Гуров и Крячко склонились над листком.

Это был прямоугольник величиной с четверть стандартного листа А4. Одна половина его была красного цвета, другая оставалась белой. Две продольные полосы одинаковой ширины. В центре каждой из полос виднелось крупное, достигающее до края листка изображение значка, которым обычно обозначают пиковую карточную масть. Острия значков были направлены навстречу друг к другу и соприкасались. В результате получалось что-то вроде стилизованной восьмерки. Граница между белой и красной полосами выступала осью симметрии, делила восьмерку пополам по перетяжке. Значки были черные.

Лев перевернул листок. Точно такая же картинка: две продольные полосы и черная «восьмерка» из двух пик в центре.

Гуров пожал плечами, посмотрел на Крячко. Тот тоже только руками развел.

– Что бы это такое могло быть? И что означать? – спросил Станислав, ни к кому конкретно не обращаясь, но глядя на Петра Николаевича.

– Я думал, что вы мне это растолкуете, – довольно ехидно откликнулся генерал. – Понятия не имею!

– Если не обращать внимания на черную фиговину в центре, то по расцветке похоже на национальный флаг Поль-

ши, – задумчиво сказал Гуров. – Или княжества Монако. Смотря какую полосу верхней считать. Оба флага красно-белые. У поляков сверху белая полоса. А у княжества – наоборот. А вот значок... Тебе, Стас, он ничего не напоминает? Из польской геральдики?

– Пожалуй, нет, – после недолгого молчания отозвался Крячко. – Надо уточнить у специалистов. Не такой уж я великий знаток польской геральдики. Тем паче геральдики княжества Монако. И вовсе не обязательно эта штукавина как-то связана с флагами! Хоть да, похоже на польскую бандеру. Еще бы вместо этого непонятно чего в центр белого орелика...

– Бандеру? – переспросил Гуров.

– Или прапор. Флаг, знамя. Думаешь, откуда звание «прапорщик» пошло?

– Давайте с другого конца попробуем, – сказал Орлов. – Ясно, что этот листок что-то символизирует. Так?

Сыщики дружно кивнули в знак согласия.

– Спросим себя: ради чего убийцы оставили на свежем трупе некий символ? Да еще и сфотографировали труп с этим символом, причем предельно рискуя, подвергаясь серьезнейшей опасности быть захваченными на месте преступления? Я вижу только одно объяснение.

– Я тоже, – мрачно произнес полковник Гуров. – И очень мне оно не нравится. Прямо очень!

– Намекаете, что старика кто-то заказал? Что фотография

труппа с этой непонятной бумаженцией на груди предназначена для заказчика? Вроде отчета о проделанной работе? – спросил Стас.

– Какие тут намеки, – печально вздохнул генерал Орлов. – Тут прямым текстом: заказуха. Иначе концы с концами не сходятся. Вот, в частности, и поэтому я хочу, чтобы делом занялись вы. Отлично знаю, что влезать в дело с признаками заказного убийства вам не улыбается. Не мальчик, помню, что раскрывается таких дел хрен да маленько. Даже самые громкие и то зависали. Хотя по ним неплохие специалисты работали. Но вы-то не просто неплохие. Вы у меня уникальные и неповторимые, а?

Вновь Гуров и Крячко переглянулись. Нет, конечно, Петр мог просто приказать. Вот только обычно он поступал иначе: словно бы подводил их к мысли, что это их дело. Чтобы самим хотелось за него взяться. Хорошим практическим психологом был генерал Орлов. Только в данном случае особо настраивать сыщиков не было необходимости.

За десятилетия работы в милиции Лев Иванович Гуров не сделался ни циником, ни пессимистом, ни мизантропом. Хотя предпосылки к тому были: оперативникам постоянно приходится иметь дело с изнанкой жизни, сталкиваться далеко не с лучшими представителями рода человеческого. Однако полковник Гуров по-прежнему, как и в молодости, придерживался убеждения, что настоящих негодяев на свете мало. Иначе человечество давно бы перегрызлось оконча-

тельно и бесповоротно, сгнуло бы почище динозавров без всякого ядерного апокалипсиса.

Просто большинство то ли боится, то ли стесняется быть хорошими, порядочными людьми. Делают гадости и подлости словно из-под палки. А потом сами же страдают из-за этого, тяжело мучаются...

Но вот это убийство... Было в нем что-то непередаваемо мерзкое! Убить глубокого старика, ветерана войны, да еще накануне Дня Победы!.. Совсем для этого человеческий облик нужно потерять. Тем более, если это заказуха. Значит, преступление заранее продумано, спланировано, четко выстроено. На аффект и временное умопомрачение не спишешь! Какими же мерзавцами нужно быть, чтобы пойти на такое злодеяние...

Подобные нелюди не имеют права ходить по земле. Их нужно срочно изловить и жестоко наказать. Лев Иванович был уверен: Стас испытывает приблизительно те же чувства.

Только вот изловить будет куда как непросто. Самый неприятный момент: совершенно не просматривается мотив преступления. Кому и зачем понадобилось убивать 86-летнего ветерана? Ясно же, что Трофиму Ивановичу и так не слишком долго жить оставалось.

Ведь не банкиром, не криминальным авторитетом, не продажным политиком, не скандальным журналистом был убитый Таганцев. Кому, а главное – чем мог помешать Трофим Иванович? Какой отъявленной сволочи?

– Как, кстати, установили личность убитого? Я так понял, что это прямо там, на месте преступления? – спросил Гуров.

– Просто, – ответил Орлов. – В карманах пиджака нашли деньги, ключи от квартиры и машины, у него «Москвич» 412-й, ветеранское удостоверение и пенсионную книжку.

– Больше ничего не нашли?

– Нет.

– Что ж... Если это впрямь заказное убийство, нужно при-
смотреться к ближайшему окружению Таганцева, – сказал
Лев. – Незнакомых или малознакомых людей не заказывают.

– Ну какое у старика в восемьдесят шесть лет ближайшее
окружение? – грустно усмехнулся генерал. – Ровесники по-
чти все уже в лучшем мире пребывают... Таганцев жил оди-
ноко, он вдовец, единственная дочь умерла, как он мне рас-
сказывал, еще до его переезда в Москву, десять лет назад,
внук с семьей живет, насколько мне не изменяет память, в
Петербурге. Должен прилететь на завтрашние похороны. По-
литика? К политике Таганцев был равнодушен, так что и по
этой линии друзей-приятелей не имел. Равно как и врагов.
Ни с кем он, насколько мне известно, особо не общался. Вот
разве что шахматисты ботсадовские остаются.

– С них и начнем. Есть такое соображение: заказчик дол-
жен был неплохо знать распорядок дня и манеры Таганце-
ва. Чтобы вывести на него убийц. Например, он должен был
знать, что Таганцев может появиться вечером в ботсаду. Во
вполне определенном месте. То есть за последнее время обя-

зательно кто-то должен был старика отслеживать. Надо с соседями его поговорить. Не проявлял ли кто интереса к Таганцеву. Где он жил?

– Точно не скажу, дома я у него не был, – ответил Орлов. – Но где-то рядом с ботсадом. Кажется, на улице Вавилова.

– Станислав, уточни и отправляйся туда, – сказал Гуров. – Прямо сейчас, к чему время терять. Расспроси всех, кого сможешь, поинтересуйся, не происходило ли чего-нибудь странного, необычного вокруг Таганцева и его квартиры. То же ведь один из вариантов: за квартирами одиноких стариков сейчас вовсю охотятся. Если нароешь что-то интересное, сразу звони мне на мобильник. А я отправлюсь в райотдел. Заберу у них дело, вещдоки: картонку эту загадочную, нож, трость. Хорошо бы с кем-нибудь из тех парнишек поговорить... Но это чуть позже, пусть у них обида малость пройдет. А потом, Станислав, мы с тобой встретимся в ботсаду, там, около шахматного павильончика. Петр, в какое время твои знакомые обычно собираются?

– Да часов с трех человек пять-шесть уже там, если погода хорошая, – подумав, ответил Орлов. – Пенсионеры. А к вечеру и поболее набирается.

– Три часа... Отлично, раньше мы и не успеем. Поговорим с пенсионерами. Я так понял, что Таганцева там все неплохо знали, так?

– Еще бы! Я же говорил, Трофим Иванович считался, как минимум, чемпионом ботсада. Мысль хорошая... в этом

кругу потолкаться. Одобряю. Может, разузнаете что важное. Вот что, я позвоню Гаранину, он вас там встретит. Представит нашим корифеям, да и сам соображениями поделится.

– Петр, я тебя еще кое о чем попрошу, – решительно сказал Гуров. – Раз уж мы принялись за это дело, так помогай. Похороны завтра? Где, на Митинском? Так вот, поприсутствуй на похоронах. Это никого не удивит, ты же знал покойного. И присмотришь... Вдруг заметишь что странное? Со всем неплохо было, если бы ты с внуком Таганцева поговорил. Вырази сочувствие, то да се... Не мне тебя учить. А попутно прозондируй, нет ли у внука каких соображений насчет того, кому его дед мог дорогу перейти.

– Хорошо, – кивнул Петр Николаевич. Лицо его сделалось совсем печальным. – Бог мой! Как два года назад, когда Сашу Ветлугина убили. Тогда ты тоже меня на похороны послал...

– Ага, вспомнил, значит? Так вот, нам ты в деле Ветлугина очень помог.

– Такое разве забудешь...

– Это еще не все. Нагружать начальство работой, так нагружать, – слегка улыбнулся Лев. – Поручи кому-нибудь составить подробную биографическую справку на Таганцева. Меня интересует все. Кстати, насколько хорошо ты сам знаешь детали его биографии? Не только же о шахматах вы с ним говорили! Что это был за человек? Где воевал, чем занимался после Победы?

— Здесь, боюсь, серьезной помощи ты от меня не дождешься, — развел руками генерал Орлов. — Таганцев отличался довольно скрытным характером, в откровенности не пускался. Был, что называется, застегнут на все пуговицы.

Петр Николаевич некоторое время задумчиво молчал, вспоминая свои нечастые беседы с Трофимом Ивановичем Таганцевым.

— Знаете, сыщики, — сказал Орлов с некоторым удивлением в голосе, — я вот только сейчас, *post factum*, обратил внимание на то, что в разговорах со мной он никогда не касался темы войны. словно ему было неприятно говорить о ней. А ведь Таганцеву наверняка было что вспомнить. Я знаю, что войну он закончил подполковником. Неплохо для двадцати пяти лет. Знаю, что неоднократно его награждали. А вот за что... И еще: как-то в разговоре мелькнуло краешком, что после Победы он угодил в лагерь. На Колыму. А когда вышел после смерти Сталина и устранения Лаврентия с компанией, на военную службу уже не вернулся. Опять же, понятия не имею, за какие грехи его упекли в сорок пятом. Хотя... В те времена можно было и безо всякого греха загреметь. Чем занимался на гражданке, когда вышел из лагеря? Надо же, опять не знаю! Как-то не заходил разговор на эту тему. Хотя о том, где, скажем, я работаю, Трофим Иванович был прекрасно осведомлен. Гм-м... Знаешь, Лев, ты прав: в биографии Таганцева стоит покопаться. Хорошо, этим я сам займусь.

– Вот и договорились, – довольно сказал Лев. Он знал: если Петр Николаевич берется за какое-то дело, то выполняет он это дело отлично. – Что ж, по коням. Трепотня закончилась, каждый знает свое место и маневр. Итак, я в райотдел. Станислав, как уточнишь адрес Таганцева и опросишь его соседей, двигай в ботсад. Если я еще не подтянусь, начинай разнюхивать все самостоятельно, не дожидаясь Гаранина. Я не ошибся, Петр, так фамилия твоего знакомого и претендента на шахматную корону Ботанического сада? А имя – Сергей? Ты, господин генерал, позвони ему обязательно. Но время не ждет, пока цемент не схватился, нужно торопиться. Потом отбойным молотком не взломаешь... Познакомься с шахматистами, Стас, попробуй разговорить... Проиграй пару партий в конце концов.

– Проиграть – это сколько угодно. Шахматист из меня не лучше Остапа Бендера. Из интеллектуальных игр я признаю только доминошного «козла». И перетягивание каната. Так что проиграть – это без проблем. А пообедать? – меланхолично поинтересовался он. – Я, когда голодный, соображаю плохо. Забуду, как фигурки ходят. Совсем осрамлюсь. Гуров, небось, тоже проголодаться успеет. А он в таком состоянии злой становится, подчиненных, в смысле меня, запросто обижает.

Крячко по своей привычке хохмил. Чтобы сбросить психологическое напряжение и отвлечься ненадолго от того тяжелого впечатления, которое произвела на него смерть вось-

мидесятишестилетнего ветерана. Станислав Васильевич славился в Управлении своим неунывающим характером. Ценное, кстати, качество для сыщика.

– Там поблизости, как из аллейки с павильоном на Большую Садовую выходить, есть неплохой и очень недорогой ресторанчик. Японская кухня. Суши подают и все такое прочее, – поделился генерал Орлов оперативной информацией. – Вот и пообедайте. Разрешаю сделать это за казенный счет.

– Су-у-уши, – презрительно протянул Крячко. – Селедкины уши. Что я вам, кошка, чтобы сырую рыбу трескать?! Или «новый русский»? Это у них сейчас в моде всякую азиатскую пакость лопать вроде компота из щупалец осьминога...

Крячко все-таки добился своего: Лев Гуров и Петр Николаевич рассмеялись.

* * *

Четырьмя часами позже высокий стройный мужчина открыл дверь одного из подъездов стандартной панельной девятиэтажки на углу 1-й Останкинской и Ботанической улиц.

Выглядел мужчина лет на сорок пять – пятьдесят. Густые светлые волосы, довольно длинные, до плеч. Челка падает на лоб, спускаясь почти до бровей. Усы такого же пшеничного цвета, аккуратно постриженная бородка. Глаза защищены большими очками с дымчатыми стеклами.

На мужчине были надеты темные брюки классического покроя и куртка-ветровка в крупную красно-желтую клетку, такое сочетание выглядело немного странным и придавало ему несколько божественный вид. Двигался мужчина в клетчатой ветровке легко, изящно, с грацией крупного хищника, напоминая ягуара.

Что-то в его внешнем облике напоминало немного постаревшего, но не утратившего формы рок-музыканта «первого призыва», легендарных времен молодости БГ, Саши Кутикова, Гарика Сукачева...

Такое впечатление могло быть вызвано и тем, что кисть его правой руки сжимала ручку черного футляра, в котором переносят смычковые музыкальные инструменты. Судя по величине футляра, внутри находилось что-то крупнее скрипки, но меньше виолончели. Наверное, альт.

Что интересно: для того, чтобы войти в подъезд, мужчина в дымчатых очках не стал тыкать в кнопки домофона. Видимо, жилец этого дома. Только вот вместо обычного магнитного ключа «музыкант» извлек из накладного кармана своей пестрой куртки тоненькую пластинку, чуть большую по размерам, чем обычная кредитная карточка VISA. И прижал этот кусок пластика к сенсору замка. Замок пискнул, дверь покорно открылась.

Проделал он этот трюк очень быстро и ловко. Молодая машина, стоящая с коляской у подъезда, никаких странностей не заметила. Да и чего ей было замечать? Ну, какой-то музы-

конт. Она и соседей на своей лестничной клетке не слишком помнила в лицо.

Мужчина довольно улыбнулся в вислые усы, шагнул в темноту подъезда и направился к лифту. Движения его оставались такими же спокойными и уверенными. Лифт – надо же! – работал. Поднимался мужчина в одиночестве.

Он вышел на площадке последнего, девятого этажа. «Музыкант» быстро оглянулся, окинул площадку цепким взглядом. Настороженно прислушался.

Никого. Лишь заунывное кошачье мяуканье раздавалось откуда-то снизу.

Еще несколько шагов вверх по короткой железной лесенке, и мужчина с футляром для альта оказался перед сваренной из арматурного прутка решетчатой дверцей. Дверца оказалась запертой: в двух проушинах торчала толстенная дужка громадного и ржавого висячего замка из семейства «амбарных». Вид у замка был устрашающим. Таким хорошо крепостные ворота запирают!

Мужчина слабо усмехнулся, покачал головой. Снял очки, положил их в карман куртки. Глаза у него оказались темно-серые, острые и внимательные.

На смену очкам он достал из кармана блестящий никелированный предмет, похожий на хитро изогнутую небольшую отвертку. Или побывавший под кузнечным прессом штопор. Он опустил футляр на ступеньку, вставил кончик «штопора» в отверстие замка. Слегка пошевелил, повернул против ча-

совой стрелки на один оборот...

Замок громко лязгнул и отвис на дужке.

Мужчина вновь прислушался. По-прежнему тишина, даже кошка замолкла. Лишь слышалось тихое посвистыванье ветра там, вверху, на плоской крыше девятиэтажки.

«Музыкант» убрал универсальную отмычку в карман, достал чистый носовой платок, накинул его на дужку и извлек ее из проушин. Он взял свой футляр, вошел в «лифтерку», аккуратно прикрыл дверцу за собой и вновь, используя платок, чтобы не прикасаться к дужке, вставил ее на место. Теперь, если не присматриваться особенно тщательно, дверца снаружи выглядит запертой.

«Лифтерка» – это такая небольшая бетонная будочка, выступающая над поверхностью крыши на высоту даже чуть ниже среднего человеческого роста. В ней расположен лифтовый механизм.

Таких будочек на крыше девятиэтажки было восемь, по числу подъездов. Мужчина в клетчатой ветровке оказался в крайней, расположенной почти на самом торце дома. Так оно и задумывалось: этот торец выходил на 1-ю Останкинскую улицу. С того момента, как мужчина подошел к подъезду, не прошло и пяти минут.

Щелястая фанерная дверка, ведущая из будки на плоскую крышу, залитую битумом, конечно же, не запиралась. От кого ее закрывать? От кошек? Карлсонов с пропеллером в заднице в столице России пока что не замечено. Дверь с тихим

скрипом распахнулась.

Над Москвой сияло ярко-голубое небо майского полудня, украшенное снежно-белыми облачками, похожими на куски сахарной ваты. Ярко светило солнце. Его лучи отражались от совсем близкой иглы телебашни — одного из символов столицы.

Снизу, от нагретого асфальта, шел мощный поток воздуха, несший запахи бензина, влажной земли газонов, молодой весенней листвы и еще чего-то неуловимо городского, московского. Здесь, на крыше, было не так шумно, как внизу.

Мужчина приблизился к невысокому парапету на краю крыши. Он посмотрел на часы и удовлетворенно кивнул: ровно два пополудни. Негоже заставлять себя ждать, а точность, как известно, вежливость королей...

Он присел на корточки, положил перед собой черный футляр и раскрыл его.

Да, инструмент в футляре наличествовал. Высокопрофессиональный и дорогой инструмент, только вот к музыке никакого отношения не имевший. Тускло поблескивая хорошо смазанным металлом, в футляре для альты покоилась разобранная на три части английская автоматическая снайперская винтовка «ли-энфилд» калибра 5,45 мм. И оптический прицел к ней. Отличный прицел: десятикратное приближение, линза объектива просветленная, бликует фиолетовыми вспышками.

Мужчина рассеянно подумал, что, может быть, австрий-

ская «манлихер-302» была бы надежнее, но тут же, беззвучно рассмеявшись, оборвал себя. О чем речь?! Расстояние-то детское, а у «англичанки» прицельная дальность не менее полутора километров!

Защелкала входящая в пазы сталь.

Пятнадцать секунд – и винтовка собрана, готова к работе. «Музыкант» достал из футляра короткий магазин на десять патронов, довольно цокнул языком и присоединил его к оружию. Затем навинтил на ствол глушитель. А вот прицел присоединять не стал: это в последний момент.

Он еще раз взглянул на свой «Ролекс», затем приставил к правому глазу короткую трубочку прицела и посмотрел вниз. Отлично! Лучше любого бинокля! Троллейбусная остановка и автостоянка видны, как на ладони, до последней трещинки на асфальте и травинки на газоне. Вон через стоянку пробежала, принюхиваясь к чему-то, потешная лохматая дворняга. Подобрала недоеденный кусок гамбургера и неторопливо потрусила дальше. Вон пустая сигаретная пачка лежит, даже название можно прочесть: «Честерфилд».

Мужчина перевел взгляд на противоположную сторону улицы, где была остановка троллейбусов и маршрутных такси. Народа там скопилось не слишком много: час пик еще впереди. Ага, вот молодая женщина с коляской, которую он видел около подъезда. Куда-то ехать собирается. Какая у нее улыбка хорошая... Мужчина улыбнулся в ответ.

За подходящим к остановке троллейбусом подъехала и

припарковалась у обочины «Тойота» цвета мокрого асфальта. Задняя дверца машины открылась, на тротуар вышел долговязый тип в адидасовском спортивном костюме и с правой рукой на перевязи. Тип настороженно зыркнул по сторонам и направился к «зебре» перехода, ведущего к автостоянке. Сверху, через оптику прицела, он выглядел на редкость нелепо.

«Альтист» глубоко и облегченно вздохнул, вставил прицел в пазы ствольной коробки. За его спиной громко ворковали обезумевшие от любовного томления голуби. Он положил ствол винтовки на парапетик крыши, чтобы получить надежный упор. Передернул затвор, досылая первый патрон. Приник к окуляру прицела, плотно прижимая приклад винтовки к плечу, сливаясь с «англичанкой» в единое целое. Да, было в этом действе что-то, напоминающее секс...

Паутинные риски перекрестья сошлись на темени долговязого. Стрелок дал ему дойти до середины «зебры». А затем задержал дыхание и плавно потянул спусковой крючок. «Англичанка» слабо дернулась...

Выстрел прозвучал не громче обычного кашля, он даже флиртующих голубей не вспугнул.

Голова долговязого типа содрогнулась под ударом пули, он нелепо взмахнул здоровой рукой и рухнул на асфальт перехода, обильно поливая белую полосу «зебры» красным. Выходное отверстие пришлось на нижнюю челюсть, ее вырвало начисто.

На несколько мгновений все внизу замерло. Никто не мог ничего понять: шел человек, и...

Но как-то сразу, очень быстро, около трупа образовалась гомонящая толпа.

Даже сюда, до парапетика крыши, доносился ее слитный шум, прорезаемый визгом женщин, звуками автомобильных клаксонов, собачьим лаем. Ворковавшие голуби, возмущенные таким непотребством, легкой испуганной стайкой взмыли ввысь.

Убийца лишь пару секунд смотрел на дело своих рук сквозь оптику прицела.

Человек в клетчатой куртке изначально не сомневался в успехе. Промахнуться он не мог.

«Альтист» по-прежнему не торопился, но действовал спокойно, уверенно и быстро. Он положил винтовку на крышу, достал из футляра небольшой пузырек, открыл его и полил содержимым пузырька винтовку и футляр. Резко запахло спиртом. Он щелкнул зажигалкой. Вспыхнуло бесцветное невидимое пламя. Несколько секунд – и никаких отпечатков! Так куда надежнее, чем с перчатками связываться. Да и целиться, когда они на руках, не так удобно.

Мужчина резко потянул себя за волосы. И вот уже парик оказался у него в руке. Теперь накладные усы, бородка... Внешность стрелка неузнаваемо изменилась. Собственные его волосы оказались темными с обильной проседью, коротко стриженными, а лицо – чисто выбритым.

Мужчина подошел к вентиляционной шахте, выбросил туда парик, усы и бороду. Но на этом трансформация его внешности не закончилась. Он снял свою клетчатую куртку и быстро вывернул ее наизнанку. Куртка оказалась с секретом! Теперь накладные карманы стали внутренними, а куртка превратилась в темно-синюю.

Вот теперь все, можно покидать крышу. Он посмотрел на наручные часы: пять минут третьего.

И на обратном пути никто ему не встретился. Из дома появился совсем не тот человек, который десятью минутами ранее заходил в подъезд... И в руках у человека ничего не было.

Глава 3

Работа сыщика заключается главным образом не в том, чтобы сидеть в засадах, перестреливаться с преступниками и лихо гоняться за ними на автомобиле. Хотя и такое случается. Но главное – это все же обычные разговоры с самыми разными людьми. Первичная добыча информации. Умение профессионально и грамотно расспрашивать, вызывать на откровенность, заставлять вспомнить что-то важное...

Задавать вопросы нужно умеючи. В противном случае есть риск не получить информацию, а отдать ее. Станислав Васильевич Крячко умел задавать вопросы.

Соседей Трофима Ивановича он дома не застал, да и не особенно рассчитывал на соседей. Но ему повезло: рядом с подъездом дома на улице Вавилова, где жил Таганцев, стояла симпатичная и удобная скамейка. А где скамейка, там и старушки, сидящие на ней.

Такие «скамеечные» бабуси – неременная принадлежность любого российского города. Это весьма специфическая и характерная публика, редко у кого вызывающая искреннюю симпатию. Зачастую они дремучие хамки и неисправимые склочницы. Сплетни и пересуды – их воздух, их образ жизни и единственное по-настоящему любимое занятие. Делать им решительно нечего, разве что перемывать косточки всем встречным и поперечным, ближним и дальним.

Любимая тема: «Ох, какая нонче молодежь пошла!», причем к молодежи относятся все, кто еще не пересек пенсионного рубежа. Как правило, отличаются такие бабуся острой наблюдательностью и изрядным злоехидством. Мозгов, правда, у них – кот наплакал. Но если им понравится, то информацию можно качать очень ценную, нужно только потом внимательно просеять ее.

Крячко умел нравиться престарелым мымрам, было в нем что-то располагающее.

Гуров говорил как-то, что обаяния его друга хватит на то, чтобы продать вставные челюсти нильскому крокодилу... Где уж бабусям устоять! Поэтому разговор получился содержательным. И Станислав считал, что не даром потерял время...

Сейчас он сидел на лавочке недалеко от шахматного павильона, лениво покуривал и поджидал Гурова, который только что отзвонил ему на мобильник. До трех оставалось еще полчаса. Погода была изумительной! Середина мая – чуть ли не самый приятный сезон в столице.

Стрелы солнечных лучей навывлет пробивали древесные кроны и редкий кустарник подлеска, играли в догонялки на мягкой траве. Ветерок с юга слегка пошевеливал листья, и световые пятна внизу складывались в причудливо меняющийся узор, напоминающий шкуру леопарда. Уже густо цвели ландыши. Развешивала белые гроздья соцветий калина. В сыроватой траве лежал голубой ковер незабудок. Зацвели

ирысы, они стояли, как тонкие свечи, распушив сиреневое пламя.

В конце аллейки появился Гуров. Его сопровождал рослый худощавый мужчина лет пятидесяти, темноволосый и кареглазый. Крячко поднялся навстречу.

– Сергей Сергеевич Гаранин, – представился мужчина, протягивая Станиславу руку и доброжелательно улыбаясь так, что чуть резковатые черты его лица смягчились. – Рад познакомиться с вами, наслышан. Петр Николаевич немало о ваших подвигах рассказывал. С Львом Ивановичем вот познакомились уже.

– Жаль только, причина знакомства... – Гуров не закончил фразу. И так все было понятно.

– Да... – Лицо Гаранина помрачнело. – Причина печальная. До сих пор у меня в голове не укладывается, что Трофима Ивановича убили какие-то подонки. Петр Николаевич просил меня оказать вам любую посильную помощь. Что бы вы хотели узнать, с кем и о чем поговорить? Я всецело в вашем распоряжении.

– Для начала вы попросту познакомьте нас со своими приятелями-шахматистами, – сказал Гуров. – Введете нас в свой круг. Беда в том, Сергей Сергеевич, что мы сами пока не слишком представляем, что искать, на что обратить внимание. Но нас интересуют все странности и несообразности, связанные с Трофимом Ивановичем.

– Договорились, – кивнул Гаранин. – Только вам придет-

ся немного подождать. Час, может быть, чуть дольше. Народ еще не подтянулся.

– Это даже хорошо, – сказал Гуров. – Нам с полковником Крячко нужно обмениваться впечатлениями. Вот, кстати, сами вы, Сергей Сергеевич, ничего необычного не замечали за последнее время? В поведении самого Таганцева или, скажем так, вокруг него?

– Необычного? – переспросил Гаранин и замолчал, призадумавшись. – Да как сказать... Вы, вероятно, в курсе: мы с Трофимом Ивановичем играли что-то типа матча...

Сергей Сергеевич слегка покраснел, несколько смущенно улыбнулся.

– Я, честно признаться, и не хотел, потому что трезво оценивал свои силы. Шахматная общественность заставила. Все, как у «больших», с часами... Контроль времени такой: по два часа на первые тридцать ходов и полчаса на каждые следующие пятнадцать. Сыграна половина матча – пять партий из десяти. Три победы Таганцева и две ничьи. Почти все наши завсегдатаи уверены: у меня не было шансов. Таганцев, хоть старик, сильнее меня и матч непременно бы выиграл. Я и сам так думаю.

Улыбка Гаранина погасла. Он сокрушенно вздохнул.

– И вот ведь как все обернулось, – тихо и очень грустно произнес Сергей Сергеевич. – Так вот, о необычном. До меня дошли слухи, что кто-то ставил на мой выигрыш в нашем матче немалые деньги! А это, согласитесь, странно... Да, у

нас есть что-то вроде тотализатора. Для своих. Появился с год тому назад в нашей компании один довольно странный тип. Игрок слабенький, но азартен сверх меры. Готов ставить деньги на что угодно. Ну, и наших некоторых заразил своей страстишкой. Ставки обычно совсем маленькие, так, для интереса. А вот на этот раз... Меня это удивило.

– Неплохо бы уточнить, – отозвался Гуров, почувствовав запах жареного, – кто ставил на вашу победу, сколько и все прочее. Действительно, странно. Займитесь этим, хорошо? И со странным типом желательно бы поближе познакомиться.

Гаранин на некоторое время покинул друзей. Сыщики вновь уселись на облюбованную Крячко скамейку под двумя канадскими елями.

– Когда вдруг всплывают некие денежные интересы, это меня настораживает, – задумчиво сказал Гуров, комментируя слова Сергея Гаранина.

– Ты что же, полагаешь, что кто-то поставил на выигрыш Гаранина в этом так называемом матче солидную сумму, а когда увидел, что победа почти наверняка останется за Таганцевым, организовал его убийство? – с явным сомнением спросил Станислав.

– Это не от хорошей жизни, – вздохнул Лев. – Хоть чем моя идея хуже других? Тоже ведь возможный мотив!

Крячко промолчал. Но по изменившемуся выражению его лица легко можно было догадаться, что он думает об этой

идее.

Станислав вообще придерживался мнения, что мотивы преступления лучше всего обсуждать за победной рюмкой водки, когда дело завершено, а преступник пойман. Если выясним «кто», то выясним и «почему». Гуров исповедовал несколько иную точку зрения, по этому методическому вопросу у него с Крячко не раз возникали довольно ожесточенные споры.

Тем временем Гуров раскрыл свой кейс, извлек оттуда литровую бутылку седьмой «Балтики», стаканчик и пару громадных сандвичей, аккуратно упакованных в промасленную бумагу и фольгу.

– Держи. Не говори теперь, что начальство тебя голодом морит. И заставляет, как там, у Булата Шалвовича, «медузами питаться». В японском ресторанчике. Да, ты догадался – сперва я заехал в родную контору, сдал вещдоки, а потом домой, пообедать. Так что эти супербутерброды – работа моей супруги. Лопай! Мария, как узнала, что ты голодный и не хочешь за казенный счет в ресторанчик двигать...

– Что с вещдоками? – поинтересовался Крячко, утолив первый голод и выпив половину бутылки. – О результатах своих посиделок с бабушками у подъезда Таганцева я тебе чуть позже расскажу. Начинай ты.

– Самое интересное – нож. Песья мама с отпечатками, хотя... Я отдал в подвальчик, может быть, и вытянут что. Но! Даже внешний вид... Представь себе, Стас, наборная ручка,

шесть колец из плекса. Это даже не нож, это заточка. Отличная рессорная сталь, гвозди можно при желании шинковать. Тебя это не наводит на определенные мысли?

Еще как наводило! В каждой зоне, точнее – в регионах, где расположены ИТЛ, есть свои сочетания набора рукояток. Затачивают «пиковину» тоже вполне определенным образом.

– И что? Цвета? Наборка? Как заточили?

– Правая одинарная заточка. Черное с желтым, чередуются. Твое мнение?

– Однозначно – Мордовия. Скорее всего, – Станислав на секунду задумался, – четырнадцатый или шестнадцатый ОЛП. Да-а, любопытно. Выходит, те, кто его убил, светились в наших МВДшных палестинах? Похоже на то!..

– Вот и я так считаю. Мало того, раневой канал у тела Таганцева тоже очень напоминает след от удара тонкого, длинного и одинарно заточенного лезвия. Это, Станислав, второй нож. Точнее, первый. Убивали-то им...

Тишина стояла удивительная. Для сыщиков, привыкших к московской сутолоке и суете, к постоянному столичному гвалту – чуть ли не жутковатая. Словно в уши по куску ваты засунули. Лишь откуда-то из близких гостиниц доносился приглушенный туманом хриплый ор выясняющих отношения котов.

– Тихо как! – сказал Крячко, зябко поеживаясь. – Словно на другой планете, право. Тишина, спокойствие и благо-

лепие.

– Внешнее, – угрюмо заметил Гуров. Глаза его блеснули, возле рта появилась жесткая складка. – В тихом омуте сам знаешь, что за живность водится, не к ночи будь помянута. Там тоже кувшинки на поверхности, водомерки бегают. А вот в глубине... Но теперь меня зацепило за живое. Теперь, пока я этот запутанный клубок несообразностей и недомолвок с Таганцевым не распутаю, не успокоюсь. И тебе покоя не дам. Я в этот омут нырну и попробую взять за жабры его обитателей. С твоей помощью.

Станислав лишь вздохнул философски. Ему-то было доподлинно известно, что если Лев Иванович Гуров пустил в дело свои клыки, то их не разожмешь. Мертвая хватка, почище, чем у любого бультерьера.

– Ладно, мой отчет впереди. Докладывай, что сам нарыл.

– Ничего конкретного, – сказал Стас, потупив взгляд. – Симпатичная такая бабуса, с видом бывшей преподавательницы консерватории, вот она-то мне и поведала, что самим Таганцевым и его квартирой интересовался некий странный тип. И прикинула мне словесный портретик. Лева, я таким старушенциям очень верю! Тип ей с ходу не понравился... ее соседкам по лавочке – тоже.

– Чем? Подробнее?.. – Давненько Станислав Васильевич Крячко не видел своего друга в таком напряженном состоянии.

Тут им помешали.

– Лев Иванович! – Сергей Сергеевич Гаранин буквально тащил за собой низковатого мужичка среднего возраста. – Вы познакомить просили...

Все у мужичка было средненьким: лицо, одежда... Серый такой типчик. Только вот, когда он увидел полковника Гурова, лицо его не смогло не выдать мгновенно мелькнувшего страха.

Он узнал Льва Ивановича. И тот тоже узнал этого человечка. Не было необходимости их знакомить.

Гуров очень надеялся, что лицо его остается бесстрастным, однако что-то такое, очевидно, промелькнуло в его глазах, потому что человечек окончательно побледнел. Над аллейкой вдруг повисло напряжение, которое почувствовал даже Сергей Сергеевич Гаранин.

Нынешний день, богатый на события, вступил в полосу совсем интересных совпадений.

– Какие люди, и без охраны, – прокомментировал появление серенького типа Лев Иванович, причем в его тоне можно было услышать что угодно, но только не приветливость и радушие. – Господин Свинухов-младший, надо же... Такая честь! Впору в запой от счастья удариться. Но, что до меня, я бы старшего предпочел. Тот был... хоть настоящей сволочью, а здесь с кем мы дело имеем? Стас, сделай милость, поговори пока с Сережей, – ничего, что я вас так фамильярно, господин Гаранин?

Сергей Сергеевич только кивнул с абсолютно растерян-

ным выражением лица. Он ничего не понимал. Старший советник юстиции Департамента связей с общественностью при Верховном суде России... Честный, умный и талантливый чиновник. Да, бывают и такие. Но... Бюрократ, кабинетный работник, не более.

– В сторонку отойдите, хорошо? – Улыбка Гурова становилась все специфичнее. Такой только голодных волков отгонять от затравленной добычи. – А я с Хрюшей побеседую. Давненько не виделись. Присаживайтесь на скамеечку, Александр Андреевич, в ногах правды нет. А то еще свалитесь от радости, что меня повстречали.

Вот кто великолепно понимал Льва Ивановича, так это Станислав Крячко.

Два скрытных движения: «Он тебе не опасен?» – мало заметный, непонятный постороннему жест правой рукой.

Лев только чуть отрицательно покачал головой.

Вслед тому еще одно движение. Теперь Гурова. На их тайном языке это означало: «Молчи. Переводи разговор на что-то другое».

Командовать полковнику Крячко: «Уводи Сергея! И будь рядом с ним» уже не было необходимости.

– Это они, видать, старые друзья, – шепнул Станислав на ухо ничего не понимающего Гаранина, у которого мелькнула мысль, что встреча старых друзей в его представлении должна выглядеть несколько по-иному.

«Они» остались.

– Ага. Черный тотализатор... Ставки на... – в тоне Гурова послышалась нескрываемая угроза, – что угодно? Ты их подвинтил?

– На что вы намекаете? – хриплым голосом спросил человек. Выглядел он неважно.

Лицо его побледнело и осунулось буквально на глазах. Ему было страшно. Ах, видела бы его сейчас подруга Еленочка... И подруга Оленька...

А супруга Катенька!..

– Какие, к песьей матери, намеки, – махнул рукой Гуров, – все прямым текстом. Не старайся выглядеть глупее, чем на самом деле, я все едино не поверю. Все ты отлично понял. Просто ты, дур-рак, вляпался по уши в крайне неприятную историю. И, не скрою, есть вероятность, что тебя, когда ты перестанешь быть нужным, утопят так качественно, что не то что волн, ряби не будет. Ты вот об этом подумай. Кто ставил на выигрыш Гаранина?

...Александр Свинухов был неплохо известен в криминальных и околोकриминальных кругах столицы. Его отец, Андрей Свинухов по кличке Кабан, в свое время являлся одним из лидеров солнцевской группировки и пользовался у братвы немалым авторитетом. Вот уже более десяти лет Кабан пребывал в лучшем мире. Хотя, как сказать... Если загробная жизнь впрямь существует, то, скорее всего, окружа-

ют Андрея Свинухова не самые симпатичные персонажи. С рогами и копытами, а в лапах – вилы.

Скончался он от передозировки свинца, который ввели в организм Свинухова-старшего сразу из трех автоматных стволов его коллеги из противоборствующей кунцевской банды. Любопытное тогда стояло времечко – середина девяностых. Заканчивалась борьба преступных группировок за раздел сфер влияния. Криминальные авторитеты взрывали, стреляли, резали друг друга почему зря. Кровь рекой лилась, и ничего с этим милиция, к тому времени предельно ослабленная кадровой чехардой в верхних эшелонах, поделать не могла. Форменное Чикаго эпохи Аль Капоне, разве что с поправкой на российскую специфику.

...Можно по-разному относиться к советской власти, но нельзя не признать: в шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых годах прошлого века в России об организованной преступности и слухом не слыхивали. Мафия существовала где-то «там». В Италии, в Штатах... А вот стоило начаться загадочной «перестройке», для которой некие злоехидные типы придумали уморительную английскую кальку «debilding», как криминальные элементы быстренько и поделовому организовались.

Поневоле задумаешься...

Это сейчас «крестные отцы» отечественной выделки вкупе с шушерой помельче пытаются – небезуспешно! – вкла-

дывать деньги в нефтедобычу и нефтепереработку, строительство, гостиничный и туристский бизнес и много куда еще. Это сейчас методы разборок между мафиози стали более цивилизованными и не предполагают непременно закатывания противника под асфальт. Поначалу же верхушка криминалитета взошла, как на дрожжах, на торговле алко-голем, наркотиками, азартных играх и проституции. На том, что гарантирует максимальные доходы при быстром обороте средств.

Инвестиции шли в те отрасли, которые – что поделаешь! – испокон нравятся людям и приманивают их. В людские пороки. Не в добродетели же деньги вкладывать! Прогоришь в момент.

С начала своего существования общество пытается упомянутые пороки искоренить. Любыми способами, вплоть до самых драконовских. И с неизменно провальными результатами.

Жутковатая кончина папочки произвела на тридцатилетнего Александра Свинухова сильное впечатление. Он вспомнил известную фразу «Мы пойдем другим путем!». И пошел, правда, в том же направлении. Широкими шагами.

Александр Андреевич, он же Хрюша, быстро сделался одним из самых крупных скупщиков краденого, содержанием пары притонов, посредником в межбандитских разборках... Сам Хрюша оружия в руках никогда не держал и не принадлежал ни к какой конкретной группировке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.